

Рустем и Зораб: Пир в Белом Замке

Category: Kitarcy, Poemalar

написано kitarcy | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Пир в Белом Замке Книга пятая. Пир в Белом
Замке

I.

Зораб обрадован был вестью
О приближеньи к замку персов;
Ему наскучило давно
Сидеть без дела за стенами
И ждать прибытия гостей...
Вот наконец пожаловали гости.
И было все готово к их приему:
И замок, снова укрепленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вместе с Баруманом
Зораб, взошед на башню,
Окинул, как орел,
Очами всю окрестность —
Очам его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,
Бесчисленное войско.
Как смелый радуется ястреб,
Увидя стадо голубей,
В котором он любого
Из множества в добычу выбрать может,
Так храброго Зораба
Обрадовала сила
Идущего против него врага.
Но Баруман от страха побледнел;
И, страх его заметя,

Зораб сказал с улыбкой:
«Не бойся, наведи
На щеки прежний их румянец.
Смотри, какой огромный ряд дружин!
Как он оружием сверкает!
Как много их сюда пришло,
Чтоб здесь мне дать победы славу!
И слава та навек моею будет!
Но если б я и гибель встретил
В борьбе с такой великой силой –
Все будет мне хвалою от людей,
Что я дерзнул надеяться победы.
Против утеса одного
Их море целое стеклоя;
При имени моем затрепетал
В своей столице Кейкавус;
Все витязи Ирана,
Которых мужество и силу
Повсюду славят в громких песнях,
Сошлись здесь против Зораба.
Скажи, о Баруман,
Не видишь ли в толпе
Там витязя такого,
С которым было б славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильных
И славных подымает
Прославленный свой меч,
Которому в бою не уступить
Великой честью озарило б
Мои молодые годы?
Скажи, о Баруман,
Не видишь ли в толпе
Там витязя такого?»
Так спрашивал Зораб;
Но он не смел
По имени того назвать,

От чьей руки так скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

II.

И Баруман отвечивал Зорабу:
«Там много витязей, с которыми сразиться
Тебе великой было б славой;
Но знать хочу, о ком ты мыслишь сам?
О! благородно пламенеет,
Как факел, ночи озаритель,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтоб не упал
Твой факел в воду, – в хладной влаге
Он заклокочет, зашипит
И, задымаяся, вдруг погаснет;
Не ведай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье;
За ним твой конь летит, как на крылах,
Но миг один – во рву и конь и всадник.
Был мир, война спала –
Ее теперь ты разбудил;
Но знаешь ли, какую схватит
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся ж, примечая,
Что я дрожу, – не за себя дрожу я,
Дрожу за всех, чей будет вынут жребий,
И за тебя – судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучших.
Иди же в бой, Зораб,
Не опрометчивым ребенком,
А твердо-осторожным мужем.
Благодари Афразиаба,
Что сильною тебя снабдил он ратью;
Стой с нею здесь, прикрытый крепким замком,
Упершись в него ее крылом, –
И враг тебя не одолеет; если ж

Захочешь славы – пусть тобой
На поединок вызван будет
Тот витязь, кем стоит Иран
И кто, сраженный, увлечет
В свое падение всю силу
И все величие Ирана».
Так говорил Зорабу,
Мешая мед совета
С отравой измены,
Коварный Баруман;
Но не посмел и он назвать
По имени Рустема; он бледнел
При этом имени – измена,
Как тайная змея,
Его сосала сердце.
Без подозренья, без тревоги,
Полюбовавшись на блестящий,
Равнину всю покрывший стан,
Зораб пошел с подзорной башни
И пир велел роскошный приготовить,
Чтоб весело, при звуке флейт и арф,
При звоне кубков, при шипенье
Злато-пурпурного вина,
Отпраздновать с друзьями
Врагов желанное явленье.

III.

Тем временем в широкий стан
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что коням,
Слонам, верблюдам будет тесно
Все беспредельное пространство;
Но наконец – когда разросся
Огромный лес шатров, и протянулись
Рядами улицы, и на широких
Меж ними площадях

Живая разлилась торговля –
В спокойное пришел устройство
Кипевший бурно беспорядок.
Когда ж на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли – утихло все,
И каждый ратник под своим
Заснул шатром, и в высоте
Один раскинулся над всеми
Шатер небес, звездами ночи
Усыпанный необозримо.
И в этот час, пришедши к шаху,
Ему сказал Рустем:
«Я не могу без дела оставаться;
Хочу идти к Зорабу в гости;
Хочу увидеть, кто навел
На вас такой незапный ужас;
Хочу взглянуть в лицо богатыря,
Перед которым весь Иран
Так задрожал; хочу своими
Глазами видеть, стоило ль труда
Седлать мне Грома, надевать
Свой старый шлем, и будет ли какая
Мне честь его убить моей рукою.
Туран я часто посещал;
Я знаю их язык и их обычай:
Турецкое надевши платье,
Прокрасться я намерен в Белый Замок
И все там осмотреть. Я у тебя,
Державный шах, пришел просить
На то соизволенья». Кейкавус
С улыбкой отвечал: «Рустем,
Ты и в турецком платье будешь
Красой и славою Ирана.
Рука всей рати в день сраженья,
Ты хочешь быть и зорким оком
Ее во тьме ночной. Иди,

И будь тебе проводником всевышний».

IV.

Одевшись турком, осторожно
Отправился в свой путь Рустем.
Хотя в шатре он все свои доспехи,
Свой панцирь, шлем и даже меч покинул –
Но безоружен не остался:
Его рука была, как булава
Железная, крепка. Во мраке ночи
Он к Белому подходит Замку –
Там были слышны крики пирувань;
И близ ворот незатворенных
На страже не стоял никто. Как лев голодный,
В тот час, когда, забыв
Заграду затворить, беспечно пастухи
Шумят на празднике ночном,
Врывается в середину стада
И из него сильнейшего быка
Уносит, – рев услыша, пастухи
Бегут за хищником; но он
С добычей, погони не страшася,
Медлительно идет в свой страшный лог,
А пастухи назад приходят в горе,
И вовсе их ночной расстроен праздник, –
Так в замок грозный лев Рустем
Прокрался пир расстроить турков.
Там двор широкий весь был озарен
Огнями; он шумел
От говора пирующих, от звона
Вином кипящих чаш,
От пенья, от бряцанья струн,
От бешено-веселой пляски:
Врагов явленье праздновал Зораб,
И все с ним праздновало войско.
И, притаяся в темном

Углу, на все смотрел
И видел все из темноты
Никем не видимый Рустем.

V.

На пиршестве беспечно
При факелах зажженных
Зораб сидел с гостями;
На нем не шлем железный,
А праздничный из свежих
Цветов сиял венок,
И он, сам яркий блеск,
Был ярким окружен
Блистаньем, был прекрасен,
Как цвет благоуханный
Надежды, и в его
Груди кипела младость;
И голову младую
Он бодро подымал
И, обегая оком
Воспламененным праздник,
С весельем горделивым
Считал с ним пировавших
Сподвижников. И, видя
Его перед собою
Прекрасного так чудно,
Они позабывали
Вино, и клики их
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой из неба
С благоволеньем звезды
Смотрели на него,
И на небе о нем,
Земной звезде прекрасной,
Назначенной так скоро

В своей красе угаснуть,
Печалились звезды.
Тогда одна из них
Своим сестрам небесным,
Печальная, сказала:
«Как жаль, что этот цвет
Так скоро, скоро должен
Увянуть! На земле
Прекрасного являлось
Нам много... и очей мы
Отвести не успевали,
Как уж с земли оно
Скрывалось, – но доселе
Еще нам не случилось
Там видеть ничего
Прекрасней и мгновенней
Той прелести, какая
Так сладко в этот миг
Собой нас утешает
И так своею быстрой
Кончиною печалит.
О, как он мил! Как весел!
Пошлем в сиянье наших
Очей, им веселимых,
Видение туда,
Где мать о нем тоскует,
Куда уже к ней он
Не возвратится вечно;
Пускай его она
Хоть раз еще увидит
Живым, цветущим, полным
Отваги и надежды...
Его, быть может, завтра
Придет схватить судьбина».

VI.

Так говорили звезды неба
О милой праздника звезде.
И вот они паров и блеска –
В пространстве воздуха разлитых
Меж небом и землею – взяли
И свили сон...
И этот сон подобен
Был разноцветному ковру,
Блестящему шелками,
Какой жених издалека
Невесте милой посылает;
На нем она в земле своей
Все видит, что в земле далекой
Ее возлюбленного очи
Встречают: горы снеговые,
И многоводные потоки,
И чудных птиц на неизвестных
Деревьях. И когда
На тот ковер невеста
Глядит – ей мнится, что сама
Она с ним странствует, что близ нее
Он, возвратясь, отдыхает.
Такую ткань видений
Из блеска и паров
Соткали звезды в высоте;
И дали воздуху они
Ее нести и с нею тихо
Лететь в Туран,
Чтоб спящей матери лицо
Она неслышимо покрыла;
И воздух полетел;
И матери привиделся прекрасный,
Как утро светлый сон;
И в этом сне увидела она
Сидящего на пиршестве ночном
За полным кубком сына;
Его горели щеки,

Его уста цвели,
Его сверкали очи,
Он полон был отваги;
И таяло от радости в ней сердце;
Казалось ей, что он
В немногие разлуки дни
Из отрока созрел
Могущественным мужем;
И вокруг него, казалось, много
Знакомых ей и незнакомых
Сидело витязей. Но в стороне,
Она увидела, стоял Рустем
Один; и, притаясь, из темноты
Смотрел на праздник он сурово;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что к сыну выйти не хотел
Отец на свет; но горе скоро
Провеяло, как легкий воздух;
Ей стало весело, что к сыну
Отец так близко и что он,
Свою узнав повязку,
Из мрака выйдет и ему
С любовью протянет руку.

VII.

Тем временем, как матери душа
Была таким прекрасным сновиденьем
Лелеема, Зораб
С гостями праздновал беспечно;
И пили все кипучее вино.
И два из них сидели рядом,
Один по правую, другой
По левую с ним руку:
Был слева Баруман,
К нему не из любви, не для храненья
Приставленный Афразиабом;

А справа Синд; его
Послала вслед за сыном мать,
Чтоб, с глаз Зораба не спуская,
Он был ему в чужой земле
Хранителем и верным другом.
Он был из рода семенгамских
Царей, был крепок силой, ростом
Высок; был чуток слухом
И так очами зорок,
Что ночью видеть мог как днем;
И это побудило мать
Ему надзор за сыном вверить,
Дабы, когда им встретится Рустем,
Он мог немедля
Его Зорабу указать
(Остались в памяти у Синда
Черты Рустема с той поры,
Когда царем он в Семенгаме
Был так роскошно угощен
И браком сочетался
С царевною Теминой).
И Синд на празднике Зораба
Сидел, вино из кубка пил
И молча думал: «Завтра
Ему я укажу Рустема».

VIII.

Но рысьими глазами Синд
Увидел вдруг, что кто-то в темноте
Стоял и прятался. Он встал
И к месту темному пошел
Поспешным шагом, чтоб своими
Его глазами осмотреть.
Он там увидел великана,
Огромного как слон;
Не помнилось ему, чтоб кто подобный

Его глазам когда встречался;
Таким он видел одного Рустема;
Но этот был в турецком платье,
Хотя и замечал
В нем Синд как будто что чужое.
«Кто ты? – воскликнул Синд. – Зачем
Здесь спрятался и выступить на свет
Не хочешь? Покажи свое лицо
И дай ответ». Но не дал
Ему Рустем ответа.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синд схватил,
Чтоб вытянуть на свет из темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустем взмахнул
И грянул Синда кулаком
По голове – и Синд упал,
Не крикнув, мертвый. Той порой
Зораб, заметив, что ушедший
Не возвращался долго Синд,
Послал проведать, где он;
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащего, обратно
Как иступленный прибежал,
Крича: «Убили Синда! Синд
Убит!» Затрепетав, Зораб
Вскочил; вскочили с ним все гости
И с факелами побежали
Толпою к месту роковому.
Там на земле недвижим Синд лежал;
Он был убит – но кем?
Никто того не ведал.

IX.

«О горе! – возопил Зораб. –
В заграду волк ворвался

И лучшего зарезал в стаде
Овна; а пастухи
С собаками дремали.
Скорее все в погоню за убийцей!..»
Но некого уж было догонять,
Исчез ночной убийца. Возвратясь,
Зораб печально сел за стол;
Кругом его печально сели гости;
И он сказал: «Не радует меня
Теперь мое на этом пире место;
Направо от меня моим
Ближайшим другом занятое
Вдруг стало пусто. Был мне дан
Он мной матерью моею:
И мог один в Иране указать мне
Рустема; он один из нас
Его видал. Кто мне теперь
Его укажет?» То услыша, покраснел
Сидевший слева – покраснел
Предатель Баруман,
Не из любви, не для храненья
Приставленный к нему Афразиабом;
Как Синд, Зорабу
Он мог бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски он служил измене.
Зораб, подняв высоко
Вином наполненную чашу,
Воскликнул: «Пью последний кубок пира;
Он не вином, а клятвою кровавой
Наполнен, клятвою отмстить
Убийце Синда. Кто б он ни был, я
Его найду, и будет от меня
Ему убийство за убийство.
Когда ж моей я клятвы не исполню,
Пускай в отраву обратится
И в жилах кровь мою сожжет

Вино в последней этой чаше,
Мной осушаемой до дна».
С такую клятвой мщенья
(Против кого? о том не ведал он)
Зораб вино из кубка выпил
И вдребезги расшиб, ударив оземь, кубок.
Потом все гости встали с мест,
Чтоб Синда в землю опустить;
И светлый пир стал мрачным погребеньем.

Х.

Тем временем Рустем достигнул стана
В том месте, где стоял на страже Геф.
При виде турка Геф его окликнул,
И вся его дружина стала в строй;
Рустем, узнав по клику зятя,
Ему знакомый подал голос;
И Геф, его впустив в заграду стана,
Спросил с великим изумленьем:
«Где был ты, старый богатырь?
Зачем один в такую пору бродишь?
С духами ль темными ночную
Беседу ты завел? в союз ли с ними
Вступил, чтоб чародейством
Себе придать перед сраженьем силы?
Мы знаем, с демонами тьмы
Давно ты водишься; и, верно,
От них ты занял черное искусство
Быть невредимым, что теперь
Так беззаботно, безоружный,
Один, переодетый турком, ходишь
Ночной порой между шатров Ирана».
Рустем сказал: «Не в этом дело;
Я был в гостях, я навестил Зораба;
Издалека его увидел я
И буду рад, когда вблизи увижу.

Но мне, лазутчику, другой лазутчик
Нежданый помешал; насильно
Меня хотел он вытащить на свет;
Я в темноте ударом кулака
Его убил – себе иначе
Помочь не мог я, – но о нем
Непостижимо грустно мне, и я готов
Почти заплакать. Геф, найди скорее
Персидский для меня убор;
Замаранное кровью это платье
Несносно мне; да и собаки здесь
Со всех сторон сбегутся с лаем
На турка, вокруг шатров персидских
Ходящего ночным дозором».
Вздыхнув глубоко, снял с себя
Рустем турецкую одежду.
Какой-то жалобный в нем голос
Против ночного дела вопиял;
Невольно он жалел о Синде;
Как будто чувствовал, что в нем убил
Свое спасенье от чего-то,
Неизбежного теперь.
И не пошел он к шаху с донесеньем;
К себе в шатер он возвратился,
И лег, и тяжело спал всю ночь. Poemalar